

Поздравляем нашу коллегу, зам.главного редактора альманаха «Кузнецкая крепость», руководителя городского литературного объединения Ольгу Витальевну Комарову! По рекомендации правления Союза писателей Кузбасса она принята в Союз писателей России. Долгожданное и значимое событие в творческой биографии известной новокузнецкой поэтессы...

Ольга Комарова

Родилась в Новокузнецке 14 мая 1977 года. Окончила факультет русского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института. Преподавала русский язык и литературу в лицее, была сотрудником в Центральной городской библиотеке имени Н.В. Гоголя, журналистом в «Кузнецком рабочем».

Будучи ещё студенткой, Ольга Комарова публиковалась в местных литературных изданиях. Молодая поэтесса, прошедшая «школу» Любви Никоновой в «Гренаде», в настоящее время сама является руководителем этого литературного объединения.

Её произведения регулярно появляются на страницах «Кузнецкой крепости», в журнале «Огни Кузбасса», в приложении к этому журналу – «День поэзии», в журнале «После 12». Подборки стихотворений представлены также в коллективных сборниках, в хрестоматии «Кузнецкий автограф».

Выпустила три поэтических сборника. В 2011 году новокузнецким ансамблем «Созвучие» был записан диск, на который вошли 11 песен на стихи Ольги Комаровой.

После того, как стихи Ольги Комаровой были опубликованы в целом ряде известных в стране и авторитетных в писательском мире журналов, она получила приглашение на Региональное совещание сибирских авторов, которое состоялось в Новосибирске летом 2018 года. А в 2019 году приняла участие во Всероссийском совещании молодых литераторов, проходившем в столичном регионе.

Сегодня работает в Доме творческих Союзов Новокузнецка, поддерживает дружеские отношения со многими литераторами, организует встречи горожан с писателями и литературоведами, проводит творческие семинары и вечера поэзии, в которых участвуют новокузнецкие авторы и члены Союза писателей России.

«В разливе чувств – как в половодье...»

* * *

Ах, Господи! – благодарю за миг, –
за день, что тянется годами, –
за то, что облаком над нами
Ты ослепительным возник.

За летний сад – в краю лесном
земного рая многоцветье, –
за всё, что есть на этом свете,
за всё – что не растает сном.

И как бы там – в краях иных
прибоем не прельщало лето,
лишь здесь – стрекоз (в лучах рассвета)
мельканье крылец слюдяных;
а над покосом терпкий хмель,
думяный чай с куста у дома,
реки полдневная истома,
прибрежной гальки карамель.

И облаком над всем... – велик!
Смотри! – дыши! – пей полной чашей
любовь мою, Любовью – нашей! –
благословляя каждый миг!

* * *

Вдруг потеплело. Оттепель? – отнюдь.
Была весна, но пред теплом робела.
Её – зимой измученное – тело
переживало время как-нибудь.
Она ждала – вот прилетит скворец
и взбудоражит кровь, пробудит соки.
А ночи холодны, дни одиноки,
да стоит ли стараться наконец.
Но жизнь сильнее. Дыханием юга
отогревают стылые ладони.
В разливе чувств –
как в половодье – тонет,
и – потеплело, подались снега.

* * *

Л. Андичековой

Меряешь сумерки шагом.
Город – он друг твой и враг.
Сумерки... Ночь – саркофагом.
Шире, но чётче шаг.

А под ботинком – марта
Жалоба – снег крупой.
Звёздного неба карта.
Встретимся где с тобой?

На перекрёстке слепо
мимо шагну – прости!
Встреч мимолётных слепок
тает, зажат в горсти.

Выдох табачный долог –
меряю ночь строкой.
Лунный блеснул осколок...
Помню тебя такой.

* * *

Анне Зуевой

Этих песен мотив одинаков,
да и почерк едва отличим.
Кто вам пишет сегодня? – однако
и не я. И всё больше молчим.
И плести бы словесные чётки,
да к утру их поди-разбери.
И сгорают тех писем намётки
в ненасытном горниле зари.

Кто вам пишет, как дождь суетиться,
как в ночной заплутав тишине,
вдруг затренькает, жалуюсь, птица;
как рисует мороз на окне.
Кто вам скажет, как утро туманно,
как снега отражают лучи.
Кто вам пишет, о милая... – странно,
что не я. И всё больше молчим.

* * *

Л. Андичековой

Пусть тлеет костерок, не торопи –
бросай в него сосновые сухары,
сжигай мосты – Луна и та без пары.
Ночное небо искрами крапи.

Нет, не грусти – так сладок чай с куста,
так поутру росы живая влага
снимает боль. Не велика отвага
начать всё с лета – с чистого листа.

А город что же? – в суете своей,
о, так далёк, как далеки иные.
А здесь стрекозы крылья слюдяные
на солнце греют; запахи сильней.

Здесь жизнь! – её ещё не вышел срок
(до осени часам дана отставка).
Здесь воздух лечит и любая травка.
Не торопи – пусть тлеет костерок.

* * *

С.М.

Смотрю, как впервые, – не верится,
что это же видишь и ты.
Ночами Большая Медведица
меж нами наводит мосты.

И шествует пашнями звёздными,
уже отмахав полпути.
Где были мы зимами-вёснами?
О, как ещё долго идти!

Здесь в полдень журчали кузнечики,
шатался камыш вдоль канав.
И вишни! – чуть дрогнули плечики,
заблудшую птицу прогнав.

Здесь лето на лето похоже,
и лишь выгорают мечты.
Большая Медведица, что же
сегодня задумчива ты?

* * *

О.М. Галыгиной

Ночь над городом. Плещет крылами
ветер (тише – накличешь беду)...
Я к тебе этой ночью приду, –
всё возможно! – лишь сон между нами.

Он неспешно вплывает в мой дом, –
оживают на окнах герани.
Суеты и напрасных стараний
он не терпит (об этом – потом).

Снег над городом – первый – юнец.
Пеленает, баюкает, тешит.
Но едва ли меня он удержит, –
я звоню у дверей, наконец.

Сон во сне! Разговор? – о простом.
Льдинки тают в бокале. Рассвет.
Я вернусь – невозможного нет.
Я вернусь (но об этом – потом).

* * *

Анне Зуевой

Представь – полощет сад гроза,
и мы – представь – вдвоём.
Не бойся, не смотри лишь за
оконный окоём.

И дух захватывает от
ревущей темноты, –
она с пионов шапки рвёт,
укропа гнёт зонты.

Такая ночь! – такая страсть
(остаться бы в живых).
И до рассвета будет пряхь
из нитей дождевых.

А утром – заходит свеча,
отплавав о своём...
И отлетает сон – в лучах –
в оконный окоём.

* * *

Ю. Трифоновой

И вот она – августа львиная доля, –
свежи вечера и тверёзы.
Лишь ветер-бесстыдник
плутает в подоле
моей белоногой берёзы.

О, как по весне она плакала чисто,
и сладкие были те слёзы.
А нынче звенят золотые монисто
на платье наивной берёзы.
Тумана шелка неужели богаче? –
очнись же! – обман это, грёза.
Но даже плечами поводит иначе
в холодном молчаньи берёза.

Что было? что будет? – всё сказано-спето.
Опять отчужденья морозы.
Но снится ночами далёкое лето
и ласковый шёпот берёзы.

* * *

Так неизбежно созревает плод
под неусыпным августовским взором.
Жизнь-кобылица ненасытно пьёт
года, как воду, не гнушаясь сором
случайных встреч – невосполнимых трат.
Отпрянь на миг! – дай разглядеть в потоке
ещё живой – плодоносящий – сад,
где встреч желанных не испиты соки.

Где близоруко щурясь на звезду,
руно надеюсь разглядеть в рогожке.
Так неотступно сад во мне,
в саду –

я, будто бы вишу на плодоножке.
Но всматриваясь вдаль из-под руки –
стою одна в венце из дикоросов.
...Пей, кобылица, из моей реки! –
я больше не задам вопросов.

* * *

Анне Зуевой

Куда уж проще – август, Млечный путь –
смотри и думай – вечность ли, мгновенье.
И тот же ветер, верно, будет дуть,
и тех же самых трав прикосновенье.

И те ж слова, порядок лишь иной
(не повторю – от робости), в томленьи
он, мне неведомый –
неразделим со мной, –
шепнёт и упадёт в твои колени.

Он бледен, тонок, холоден и скуп;
его визиты так небрежно-кратки.
Следы целуя, не коснётся губ
(свои – непостижимые – порядки).

Дитя Луны – лишь отражённый свет,
но страсть его губительней отравы.
Уходит ночь, и твой потерян след.
Уходит лето, и грубеют травы.

* * *

Забавы ради тополиный дым
гонял без устали он по дорогам пыльным.
Он был моим поверенным, посыльным,
но ветреным и просто молодым.

Дышал в лицо мне клевером и мятой,
и в жар бросало от таких забав.
А он крепчал, гоняя волны трав
по вспугнутой степи, тоской объятай.

Теперь делить уж нечего мне с ним.
Он, возмужав, порывист стал, прохладен,
до золота – листвы – ужасно жаден,
непредсказуем и необъясним.

То из озябших пальцев вырвет зонт,
а то в попутчики навяжется, играя.
Он был поверенным...
Но – удержи у края
того, кому неведом горизонт.

* * *

Елене Башариной

А лето, мелькнув
мотыльком-однодневкой,
всё раньше включает огни.
И держит сосны исполинское древко
последние августа дни.

Топорщится солнце сквозь грубую хвою,
и тянет прохладой с реки.
Пошли облака, к их печальному строю
печные примкнули дымки.
И жемчугом яблок оттянуты ветки;
иное – свою полноту
не в силах сдержатъ,
словно выстрелом метким
садов всколыхнёт пустоту.

Что лето? –
так жизнь, разбежавшись с пригорка,
легка безо всяких причин.
Да будто вчера – земляники ведёрко,
а нынче уж горечь рябин.

* * *

«Мама – мыла – раму»... –
на халате пенка.
– Мам, подуи на рану.
– Вот, в горох коленка.

«Мама – мыла – раму»... –
вроде бы недавно.
В сад идём, как в драму,
в первый класс – недавно.

«Мама – раму – мыла»,
поправляла косы.
– Мам, а ты забыла –
Как от счастья слёзы?

«Мама – раму – мыла»,
щурилась на солнце.
Да вода остыла,
плещется на донце.

«Мыла – раму – мама»...
Жизнь-то – фотоплёнкой.
И на сердце шрама
не залить зелёной.

«Мыла – раму – мама».
Поправляю... рамку.
Что ж так, мама, мало?!
– Мам, подуи на ранку...

* * *

Как таинственно и тихо
сумрак крылья распротёр...
Вдруг языческий костёр
до небес взметнулся лихо.

Заплетая ветви в косы,
в диких всполохах костра
бродят тени до утра –
распоясаны и босы.

Их русалочки повадки,
смеха лёгкого звонки,
их духмяные венки
так заманчивы и сладки...

Ночь Купальская к исходу –
прячет папоротник цвет...
Где же счастье?..

Но в ответ
лишь луна глядится в воду...

* * *

Растворяюсь в тебе,
как только что народившийся день –
ежесекундно –
в вечности.

Солнечным зайчиком
устроившись в твоих ладонях,
только и могу,
что вызвать улыбку... –
ни согреть,
ни – слава Богу! – обжечь...

* * *

Электричка шумнёт вдалеке,
распластавшись – на север? на юг?
Сколько встреч! Ещё больше разлук.
И туман. И туман на реке.

Эй, откликнись, на том берегу! –
закричать бы, да голос продрог.
Знаю, там ты, – блеснул костерок;
разглядеть лишь тебя не могу.

Ни мосточка, ни брода. Тоска, –
ледяные объятья сильны.
В тишине слышу вздохи волны,
а в ответ – будто шёпот песка.

Брошу камушек – всхлипнет. В руке
соль песчинок, – судьбы солоней.
Разглядеть бы хоть что-нибудь в ней,
да туман, всё туман на реке.

* * *

Так первый снег – всё ждёшь его, однако
предчувствия обмануты.

Но вот

над списком дел – без номера и знака
строка ещё бесплотная всплывёт.
И день забыт, и час; и в круге лампы
(о нём-то мудрый Данте умолчал)
лежит бессонница моя и греет лапы,
а мне он – плаха, космос и причал.

Как часто належке – с одной тетрадкой
(обыденной не жалко мишуры) –
я, выскользнув из комнаты укладкой,
в иные путешествую миры.

О, сколько лиц –

чужих, знакомых, близких.

О, сколько клятв и розданных даров.
И на странице каждойobeliski –
у чьих согреться довелось костров.

А первый снег частит... – занёс скамейку.
Но лампы круг маячит вдалеке.
Уплыл кораблик (в клетку ли, в линейку?),
оставив след на заспанной щеке.

* * *

А что с нами будет?

Растают снега –
с кофейною гущей не спорю...
А будет весна и зальёт берега,
и мы с тобой двинемся к морю.

Там жаркое солнце сжигает мосты,
обида врачует прибой.
И всё это молча приветствуешь ты
(и я буду рядом с тобой).

А хочешь – на север...

Покорные мхи,
и ветер, и снег голубой –
сурово, но всё ж отпускают грехи
(и я буду рядом с тобой).

А может – к звезде? Вот и вся недолга.
Да было б желанье – к любой!
А что с нами будет? – растают снега,
и я буду рядом с тобой.

* * *

Чёрные талии тополей
белый облапил снег...
Чёрные в белом, и вдоль аллея –
лунной тропею – след...

И, погружаясь в тихую грусть,
в снежно-живую мать,
знаю наверно – что не вернусь,
но продолжаю путь...

Тени за мной, впереди, вокруг, –
может быть я – они...
В сложном сплетении веток и рук
память свою храним...
Саваном снежным... – но не жалей,
не напророчь беды...
Чёрные в белом, и вдоль аллея
только мои следы...

* * *

Т. Тюриной

Днём эта комната спала –
казалось, что и стрелки встали,
дремало кресло у стола
и зеркала не отражали.

В окне – как будто фильм немой –
меняла улица картины.
И пахло близкою зимой.
И кто-то чистил апельсины.

И у вещи иная статья.
Дверной звонок охрип за вечер.
Детей не отправляют спать.
О, будь же этот вечер вечен!

И ёлка в каждом этаже,
и так вкусны со стёкол льдинки,
и танец маленькой Драже
(с хранимой до сих пор пластинки).

О, сколько ещё будет зим! –
прочитан стих и песня спета.
Какой огромный апельсин,
какая сладкая конфета!

Ещё огромное – печаль, –
бредя по снеговому взвею,
за ветром услышав рояль,
узнать танцующую фею.

Куда ж её? – домой, домой! –
из снежной вырвав парусины.
И пахнет новою зимой,
и пахнут счастьем апельсины.

